

МУХИ В ЯНТАРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АРТЁМ НАРИАКИ

18+

Артём Нариаки

Мухи в янтаре

<https://litres.ru/74183104>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж, ноябрь 1936 года. За позолоченными дверями элитарного отеля «дОссиюэр» собирается весь цвет высшего общества. Джаз, платья из тяжелого атласа и фламбированные креветки — это вспышка отчаянного гламура накануне заката. В центре внимания — закрытый показ монументального полотна, которое загадочный мастер писал в строжайшей тайне целых десять лет.

Но роскошный раут превращается в изощренную пространственную ловушку. Мир вокруг начинает уродливо ломаться, звуки фокстрота сочатся прямо из кафельных стен.

Артём Нариаки

Мухи в янтаре

Артём Нариаки

Мухи в янтаре

«От глаз алый свет янтара»

12.07.26

О начале и поднебесной скорби

Франция. Сен-Жермен. Ноябрь. 1936 год.

Улицы налиты тьмой шёлковых небес, газеты «L'Éclipse» разбросаны по всем тротуарам обрывистыми одеялами, закрывающими асфальт дешёвой бумагой. Яркого тут ничего нет и не было никогда. Огоньки — искры коробковых пачек и свет вдыхаемых «Голуаз» или «Житан».

Продажные полицейские, роковые женщины, циничные репортёры — общество расцветающего нуара этих мест. Лживые обёртки раскидываются огромными, десятиметровыми крыльями, приглушая собой прощальную музыку расколотых чашек.

Пороги трёхметровых стен — Сен-Жермен. Реальность испаряется в дымах дорогого египетского табака, в свете монументальных люстр, держащихся на позолоченных цепях, и прячется в платьях из тяжёлого атласа.

Тут расположен отель «д'Оссуэр» — склеп, в котором желает оказаться каждый. Здешние запахи — притягивающая любовь, а потолки — возвышающаяся слава рода Де Корбо. Место быстро затухающего отдыха, спокойствия и серебряных бокалов. Ход открыт элите общества, почти угасшим потомкам королевской династии и богачам, бросающим золото себе под ноги. Нищета — безнаказанно истреблена золотогривым пантеоном.

Двенадцатое число. Без пятнадцати одиннадцать по напольным картельным часам.

Аристократия собрана в главном зале. Все. От престарелых, увешанных орденами герцогов, чьи предки ходили в крестовые походы, до надменных банкиров с Вандомской площади и томных кинодив в соболиных мехах, чьи лица не сходят с обложек журналов.

Внутри красоты картинных масштабов, да и сами картины на стенах неоспоримой подлинности, написанные гениями своего века. Великолепные столы, сделанные из мореного дуба и покрытые рояльным лаком. Под ногами элиты разложен наборный паркет из редких пород чёрного дерева и палисандра, выложенный шевроном. Ощущение немислимое. Что под ногами, что в глазах отдаются немереные цвета дороговизны, расцветающего искусства и культуры тридцатых годов. Это вспышка отчаянного гламура, джаза и ощущения о солнце, которое завтра уже не взойдет.

— Это острый перец?

На столе почётной дамы красуются фламбированные тигровые креветки с кайенским перцем. Коньяк аккуратно разлит на блюдо. И вспышка. Эффектное пламя разгорается, не выходя за рамки посуды.

— Невероятно! Колониальная экзотика! — восклицает женщина.

Главный зал заплывает голосами радостных элитных гостей, нависающей дискуссией французского авиаконструктора против немецкого атташе, которые только собирают людей вокруг бурного обсуждения.

— Дорогая, вы видели утренний выпуск «Ле Фигаро»? — обращается молодая маркиза к томной баронессе.

— Мой выход на благотворительном балу в опере поместили на самую первую полосу! Репортеры написали, что мой изумрудный гарнитур от Картье затмил само солнце. Настоящий фурор! — давятся они улыбками друг друга.

И хоть «само солнце» затмила её улыбка, то по другую сторону, точнее разбавляя эту надменность, на закрытом аристократическом рауте ходят официанты в строгих прибалённых фраках цвета воронова крыла, белоснежных сорочках с туго накрахмаленными воротничками-стойками и чёрных шелковых бабочках.

Неусопшая классика красивого короткого времени раздаётся стройным оркестром, выступающим на сцене. К микрофону подходит очаровательный парень, отдавая этой ночи штрихи красивых затмений.

— Я сказал тебе не повторять больше этих слов! — где-то за одним из столиков раздаётся грубый тон Марселя Дюрана.

Приятель сидит рядом, пытаясь успокоить грубого мужчину, но его попытки раскалываются о невидимую стену ненависти ко всему.

— Пожалуйста, тише!

— Плевать я хотел на твои манеры!

Мужчина хватает серебряный бокал огромной рукой и опустошает его одним глотком.

— Это некрасиво! — стыдится второй его поведения. — Кто тебя этому научил? Ты — элита. Веди себя подобающе.

— Сука, ещё одно слово, и я въебу тебе прямо здесь.

Слова заставляют заткнуться Люсьена де Монморанси, этого самого приятеля.

— Какие грубые манеры! Это ваш эталон, мужчина! — раздался женский голос от стола напротив.

Женщина в возрасте разворачивается, осматривая парней. Марсель её внимание привлекает сразу, а на другого она даже не взглянет.

— Очаровательно! Это показатель вашей мужественности. Вот таким я и хочу видеть своего сына, когда ему стукнет за восемнадцать! Вы же тот самый магнат?

— Магнатов здесь много, леди, я один из тех, кто предпочитает управлять движением, а не плыть по течению.

— Разрешите выразиться, — смеётся зрелая дама. — Я считаю вашу работу неотъемлемой частью нового вздоха

Франции.

— Спасибо огромное, ваши слова для меня многое значат.

— Да и к тому же, — осматривает она Марселя с ног до головы, замечая твердую, мощную фигуру. — Ваше тело добавляет вашему авторитету.

— Рад такое слышать от женщины с настолько безупречным вкусом не только в архитектуре, но и в мужчинах.

Вокруг вечным хороводом шагают официанты, пугающие своими улыбками. Они натянуты до блеска, до невыносимого пафоса. Волосы уверенно уложены, а прямая осанка создаёт ощущение деревянных игрушек, застывших в одной позе.

— Сэр.

К столу подходит один из таких, аккуратно расставляя приготовленные торнедо и бекасов. Приборы разложены под точным, филигранным углом.

Дождавшись, когда официант уйдёт, Марсель восклицает с тихим негодованием:

— Меня это место бесит. Лучше нам уйти.

— Но почему? — спрашивает Люсьен.

— Бекасы в тесте, их называют «саркофагами». Меня это напрягает.

— Как много ты знаешь интересных деталей обо всём?

— Блять, заткнись. Я тебе говорю, хуета это всё.

— Слушай, Марсель, дай мне насладиться вечером. Ско-

ро мой фамильный замок уйдёт с молотка за долги, это мой последний вечер тут. И здесь прекрасно! — раскидывает парень руки в разные стороны.

— Ночь. Сейчас ночь. Ровно половина двенадцати.

— Да, именно!

— И ты рад?

— Почему не радоваться?

— Тому, что нехер было скупать всё с аукционов.

— Картины — обнажённые девушки, каких не увидишь нигде.

— Извращенец ёбанный.

— Нет, ты посмотри, — двигает голову Люсьен в сторону висящих льняных холстов.

Взгляд их падает на полотно великой «Пира Валтасара». Картина залита густым, почти осязаемым мраком, сквозь который проступают вспышки золотой парчи и испуганные лица гостей. Масло потемнело от времени, но огненные буквы пророчества на заднем плане кажутся флуоресцирующими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.